

Amico S. Roll over, Tchaikovsky! Russian popular music and post-soviet homosexuality. Champaign : Univ. of Illinois Press, 2014.

Gilbert S. Social history and musical texts // International Review of the Aesthetics and Sociology of Music. 2005. Vol. 36 (1), P. 117–134.

М. М. Олохова¹

Курганский государственный университет

**Воспоминания П. А. Игнатьева как исторический источник
о деятельности российских спецслужб
в годы Первой мировой войны**

Граф Павел Алексеевич Игнатьев родился 31 декабря 1878 г. в семье военного. С начала Первой Мировой войны он был временно назначен командиром 2-го эскадрильного лейб-гвардии гусарского полка. Служба его проходила в действующей армии, продолжалась недолго. В 1915 г. полковник П. А. Игнатьев получил серьезное ранение, которое не позволило ему продолжить службу в действующей армии, но это не означало, что военная служба графа закончилась. С 23 марта 1915 г. началась его деятельность на театре военных действий «бойцов невидимого фронта» – в спецслужбах Российской Империи [Авдеев, 2008].

Свои воспоминания о деятельности разведки в ходе минувшей войны граф Игнатьев изложил на бумаге лишь спустя несколько лет после окончания описываемых событий. Перед тем, как перейти к анализу информационного потенциала его воспоминаний напомним, что представляет собой дневник как исторический источник.

Дневники и мемуары как источники личного происхождения – это специфический жанр литературы, особенностью которого является субъективное восприятие автором лично пережитых и описываемых событий. Воспоминания помогают восстановить множество фактов, которые не отразились в иных источниках. Стоит отметить, что дневниковые записи очевидцев могут иметь решающее значение в реконструкции отдельных исторических событий [Данилевский и др., 1998, с. 634]. На страницах дневника автор не только описывает череду событий, в которых ему пришлось принять участие, но и выражает субъективное суждение о происходящем. Как было справедливо отмечено А. С. Лаппо-Данилевским, при изучении источников личного происхождения исследователь знакомится с самим автором, его внутренним миром, его чувствами, переживаниями [Приймак, 2018, с. 37].

¹ Научный руководитель: В. М. Щур, кандидат исторических наук, доцент КГУ.

В своих воспоминаниях полковник П. А. Игнатьев проливает свет на деятельность российских спецслужб в годы Первой мировой войны.

Автор излагает информацию доступным языком. Логика событий становится понятной для читателя. Перед тем, как начать свое повествование, разведчик знакомит исследователя с различными видами деятельности органов безопасности Российской империи: «Разведывательная служба состоит из двух частей: разведки и контрразведки. Разведка собирает поступающие к ней сведения о военном, экономическом и моральном состоянии противника, сведения, которые в целом собираются на национальных территориях противника или в нейтральных странах. Контрразведка, напротив, действует исключительно на территории заинтересованной страны, которая стремится обеспечить собственную безопасность и разоблачить агентов противника, действующих в ней» [Игнатьев, 1999].

Нередко автор высказывает недовольство работой большинства разведывательных отделений, отмечая, например: «Публикуя свои дневники, я хотел показать тогдашнее состояние нашей армии, беспорядок, царивший повсюду, за исключением некоторых штабов, руководителями которых были замечательные офицеры, и наконец, отсутствие воли и умения руководить у людей, стоявших у власти» [Там же].

С мнением разведчика согласны многие его современники, на свидетельствах которых историки обосновывают свои выводы. К началу Первой мировой войны органы безопасности империи не были готовы к проведению масштабных операций. Вопросы упорядочения деятельности разведки и контрразведки решались очень медленно. Одним из распространенных недостатков в работе спецслужб принято считать проблему подбора и расстановки кадров. Еще в самом начале войны, когда русские войска вели успешные наступательные операции, на занятых территориях должны были создаваться структуры контрразведывательных отделений (далее – КРО). Они должны были изучать основные сферы жизни людей на данных территориях. Однако, идея создания КРО полноценно реализована не была, как правило, по причинам субъективного характера. В течение примерно года с начала войны практически никто из компетентных должностных лиц не занимался проблемой организации деятельности специальных органов безопасности за пределами Российской империи. Лишь в 1915 г. началась работа по созданию КРО за границей. Несмотря на нестабильность ситуации, сложившейся вокруг российских разведчиков, несущих свою службу за пределами своей родины, П. А. Игнатьев описывает успешно выполненные операции [Кирмель, 2018, с. 58]. Автор дневника старается донести до читателя сведения о том, в какой

сложной ситуации оказывается разведчик, оставаясь порой без всякой поддержки. Нередко ему ничего не остается, как действовать на свой страх и риск [Игнатьев, 1999].

Характеризуя работу своих агентов, полковник Игнатьев допускает достаточно эмоциональное высказывание, описывающее всю тяжесть стоящих перед ними задач: «Сколько нужно было иметь хладнокровья, присутствие духа и незыблемого спокойствия, чтобы доводить до конца дела, в которых мои друзья действовали изолированно, без моральной поддержки и чувства локтя. Без поддержки сражающейся армии» [Там же]. Благодаря этому красочному высказыванию в сознании читателя должен формироваться благородный образ патриота – «бойца невидимого фронта».

Помимо особенностей литературного стиля повествования, имеются и иные сложности в изучении и интерпретации фактов, приведенных в дневнике. Проблема дневника как исторического источника заключается в отсутствии каких-либо прямых указаний на участников процесса. Павел Алексеевич намеренно не называет имен своих коллег. По-видимому, разведчик считал, что на данный момент небезопасно открывать миру имена своей агентуры, активно действовавшей на территории различных европейских государств.

Значительная часть воспоминаний посвящена характеристике его работы в Румынии. В описании деятельности агентуры на территории нейтральной Румынии П. А. Игнатьев указывает лишь одно имя – Борис Мезенцев. Другие участники спецопераций упоминаются таким образом, чтобы их невозможно было идентифицировать. С деятельностью Б. Мезенцева связана одна из нетипичных, на наш взгляд, операций, проводимых органами безопасности в Румынии. При этом опыт проведения этой спецоперации и ее результаты оказали серьезное влияние на развитие технологий работы органов разведки в будущем. Основным исполнителем, Б. Мезенцев, действовал открыто, используя информационно-пропагандистские методы для достижения позитивного для российской стороны результата. Его задача заключалась в привлечении симпатий румынского населения к нашей стране, используя харизму российских артистов. Позднее такой способ работы с широкими массами назовут «мягкой силой» [Борисова, 2015]. Как пояснял сам Павел Игнатьев, необходимо было познакомить румынских подданных с русской культурой, с ее колоритностью [Игнатьев, 1999]. Быть может, познакомившись с русской культурой, румыны проникнутся большей симпатией к России. Как показала практика, порой такой способ воздействия является более эффективным и действенным, чем применение силовых методов. В качестве примера, описывающего эффективность применения «мягкой силы», следует указать на куль-

турно-идеологическое воздействие на широкие слои населения, заставляя его проникнуться идеей образа общего врага, не задаваясь при этом ненужными вопросами.

Артистическая и агитационная пропаганда, проводимая при посредничестве агентов, дала свои результаты, подтолкнув правящую верхушку Румынии в направлении сотрудничества с Россией. Полковник довольно подробно описывает ход операции, детально разбирая каждый шаг ее участников. Это еще раз подтверждает, что подобное направление деятельности агентов органов безопасности имело особое значение.

Стоит отметить, что при анализе воспоминаний разведчика складывается впечатление, что порой автору трудно контролировать свои эмоции при описании конкретных событий. Казалось бы, по прошествии определенного времени, пока создавался текст дневника, эмоции должны были утихнуть и в сознании сформировалось бы нейтральное восприятие минувших событий. Однако Павел Алексеевич достаточно резок в своих суждениях о новой власти, пришедшей на смену павшему царскому режиму. Вот что он пишет по этому поводу: «Моя Родина подпала под власть космополитических подонков. Проснется ли она когда-нибудь вновь?» [Игнатьев, 1999].

Приведенный отрывок дает четкое понимание, как граф Игнатьев, находящийся в эмиграции, относится к советской власти, установившейся на территории России, пределы которой он был вынужден покинуть.

Воспоминания П. А. Игнатьева уникальны. Они красочны своими описаниями, наполнены эмоциями. Порой автор позволяет себе отойти от сухого повествования и разбавляет текст диалогами, делая его более художественным и образным. Как и любой эго-документ, дневник Игнатьева обладает определенной долей субъективности в оценках исторической обстановки, но это не является его недостатком. Иными документы личного происхождения быть не могут. Их субъективность – объективно присущее им свойство.

Авдеев В. А. Секретная миссия в Париже. Граф Игнатьев против немецкой разведки в 1915–1917 гг. Москва : Вече, 2008. URL: <https://www.rulit.me/books/sekretnaya-missiya-v-parizhe-graf-ignatjev-protiv-nemeckoj-razvedki-v-1915-1917-gg-read-375918-1.html>. (дата обращения: 08.02.2021)

Борисова Е. Г. Soft power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ. Москва : Флинта ; Наука, 2015.

Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. Москва : РГГУ, 1998.

Игнатьев П. А. Моя миссия в Париже. Москва : Гей итэрум, 1999. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/ignatyev_pa/index.html (дата обращения: 06.02.2021.)

Кирмель Н. С. Спецслужбы России в Первой мировой войне. Москва : Кучково поле, 2018.

Приймак Н. И., Валегина К. О. Мемуары, дневники, письма как исторический источник: учебное пособие. Санкт-Петербург : Лема, 2018.

Д. А. Попов¹

Уральский федеральный университет

**Стратегический документ Китайской Народной Республики
«Видение и действие, направленные на продвижение
совместного строительства “Экономического пояса Шелкового
пути” и “Морского Шелкового пути XXI века”»**

Плановая стратегическая документация имеет большое значение для организации, поскольку предназначена для установления целей и задач, определения необходимых ресурсов и принципов их использования. Особую роль документы стратегического характера играют для стран, в которых государственные органы глубоко вовлечены в общественную и экономическую жизнь, для которых характерно огосударствление экономики. Кроме того, такой документ может выступать в качестве инструмента самопрезентации государства и его проектов на международной арене.

Объектом данного анализа является китайский правительственный документ «Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства “Экономического пояса Шелкового пути” и “Морского Шелкового пути XXI века”», разработанный как глобальная стратегия, включающая множество элементов [Видение и действие..., 2015].

История создания этого стратегического плана берет свое начало в 2013 г., когда в своей речи в Назарбаев Университете Председатель КНР Си Цзиньпин заявил о строительстве Экономического пояса Шелкового пути [Укреплять дружбу народов..., 2013]. Затем, обращаясь в том же году к парламенту Индонезии, он заявил о намерении создать Морской Шелковый путь XXI века [Киреева, 2018, с. 61]. Эти два проекта, цель которых – всеобъемлющая интеграция Китая со странами партнерами, составили инициативу «Один пояс и один путь» (далее – ОПОП). После упорной работы над стратегией, 28 марта 2015 г. по поручению главного органа исполнительной власти – Госсовета КНР, был опубликован анализируемый нами документ [Китай опубликовал план действий..., 2015]. Он был разработан усилиями не-

¹ Научный руководитель: С. В. Смирнов, доктор исторических наук, профессор УрФУ.